

Михаил Салтыков-Щедрин

Соседи

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин
Соседи
Серия «Сказки»

OCR Pirat, spellcheck Ustas

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134107

Салтыков-Щедрин М. Е. Сказки/ Сост., предисл. и примеч. М. С. Горячкиной; Рис. М. Скобелева и А. Елисеева.: Издательство «Детская литература»; Москва; 1979

Содержание

4

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Соседи

В некотором селе жили два соседа: Иван Богатый да Иван Бедный. Богатого величали «сударем» и «Семенычем», а бедного – просто Иваном, а иногда и Ивашкой. Оба были хорошие люди, а Иван Богатый – даже отличный. Как есть во всей форме филантроп. Сам ценностей не производил, но о распределении богатств очень благородно мыслил. «Это, говорит, с моей стороны лепта. Другой, говорит, и ценностей не производит, да и мыслит неблагородно – это уж свинство. А я еще ничего». А Иван Бедный о распределении богатств совсем не мыслил (недосужно ему было), но взамен того производил ценности. И тоже говорил: это с моей стороны лепта.

Сойдутся они вечером под праздник, когда и бедным, и богатым – всем досужно, сядут на лавочку перед хоромами Ивана Богатого и начнут калякать.

- У тебя завтра с чем щи? – спросит Иван Богатый.
- С пустом, – ответит Иван Бедный.
- А у меня с убоиной.

Зевнет Иван Богатый, рот перекрестит, взглянет на Бедного Ивана, и жаль ему станет.

– Чудно на свете деется, – молвит он, – который человек постоянно в трудах находится, у того по праздникам пустые щи на столе; а который при полезном досуге состоит – у того и в будни щи с убоиной. С чего бы это? j

– И я давно думаю: с чего бы это? да недосуг раздумывать-то мне. Только начну думать, ан в лес за дровами ехать надобно; привез дров – смотришь, навоз возить или с сохой выезжать пора пришла. Так, между делом, мысли-то и уходят.

– Надо бы, однако, нам это дело рассудить:

– И я говорю: надо бы.

Зевнет и Иван Бедный с своей стороны, перекрестит рот, пойдет спать и во сне завтрашние пустые щи видит. А на другой день проснется – смотрит, Иван Богатый сюрприз ему приготовил: убоины ради праздника во щи прислал.

В следующий предпраздничный канун опять сойдутся соседи и опять за старую материю примутся.

– Веришь ли, – молвит Иван Богатый, – и наяву и во сне только одно я и вижу: сколь много ты против меня обижен!

– И на этом спасибо, – ответит Иван Бедный.

– Хоть и я благородными мыслями немалую пользу обществу приношу, однако ведь ты... не выйди-ка ты вовремя с сохой – пожалуй, и без хлеба пришлось бы насидеться. Так ли я говорю?

– Это так точно. Только не выехать-то мне нельзя, потому что в этом случае я первый с голоду пропаду.

– Правда твоя: хитро эта механика устроена. Однако ты не думай, что я ее одобряю, – ни боже мой! Я только об одном и тужу: «Господи! как бы так сделать, чтобы Ивану Бедному хорошо было?! Чтобы и я – свою порцию, и он – свою порцию».

– И на этом, сударь, спасибо, что беспокоитесь. Это действительно, что кабы не добродетель ваша – сидеть бы мне праздник на тюре на одной...

– Что ты! что ты! разве я об том! Ты об этом забудь, а я вот об чем. Сколько раз я решался: пойду, мол, и отдам полимения нищим! И отдавал. И что же! Сегодня я отдал полимения, а на завтра проснусь – у меня вместо убылой-то половины целых три четверти опять объявилось.

– Значит, с процентом...

– Ничего, братец, не поделаешь. Я – от денег, а деньги – ко мне. Я бедному пригоршню, а мне вместо одной-то неведомо откуда две. Вот ведь чудо какое!

Наговорятся и начнут позевывать. А между разговором Иван Богатый все-таки думу думает: что бы такое сделать, чтобы завтра у Ивана Бедного щи с убоиной были? Думает-думает да и выдумает.

– Слушай-ка, миляга! – скажет. – Теперь уж недолго и до ночи осталось, сходи-ка ко мне в огород грядку вскопать. Ты шутя часок лопатой поковыряешь, а я тебя по силе возмож-

ности награжу, – словно бы ты и взаправду работал.

И действительно, поиграет лопатой Иван Бедный чашок-другой, а завтра он с праздником, словно бы и «взаправду поработал».

Долго ли, коротко ли соседи таким манером калякали, только под конец так у Ивана Богатого сердце раскипелось, что и взаправду невтерпеж ему стало. «Пойду, говорит, к самому Набольшему, паду перед ним и скажу: „Ты у нас око царево! ты здесь решишь и вяжешь, караешь и милуешь! Повели нас с Иваном Бедным в одну версту поверстать. Чтобы с него рекрут – и с меня рекрут, с него подвода – и с меня подвода, с его десятины грош – и с моей десятины грош. А души чтобы и его и моя от акциза одинаково свободны были!“¹

И как сказал, так и сделал. Пришел к Набольшему, пал перед ним и объяснил свое горе. И Набольший за это Ивана Богатого похвалил. Сказал ему: «Исполать тебе, добру молодцу, за то, что соседа своего, Ивашку Бедного, не забываешь. Нет для начальства приятнее, как ежели государевы подданные в добром согласии и во взаимном радении живут, и нет того зла злее, как ежели они в сваре, в ненависти и в доносах друг на дружку время проводят!» Сказал это Набольший и, на свой страх, повелел своим помощникам, чтобы, в виде опыта, обоим Иванам суд равный был и дани равные, а того бы, как прежде было: один тяготы несет, а другой песенки поет – впредь чтобы не было.

¹ От акциза одинаково свободны были – от налога

Воротился Иван Богатый в свое село, земли под собою от радости не слышит.

– Вот, друг сердешный, – говорит он Ивану Бедному, – своротил я, по милости начальнической, с души моей камень тяжелый! Теперь уж мне супротив тебя, в виде опыта, никакой вольготы не будет. С тебя рекрут – и с меня рекрут. с тебя подвода – и с меня подвода, с твоей десятины грош – и с моей грош. Не успеешь и ты оглянуться, как у тебя от одной этой коровёнки во шах ежедень убоина будет!

Сказал это Иван Богатый, а сам в надежде славы и добра уехал на теплые воды, где года два сряду и находился при полезном досуге.

Был в Вестфалии – ел вестфальскую ветчину; был в Страсбурге – ел страсбургские пироги; в Бордо был – пил бордоское вино; наконец приехал в Париж – все вообще пил и ел. Словом сказать, так весело прожил, что насилу ноги унес. И все время об Иване Бедном думал: то-то он теперь, после коровёнки-то, за обе щеки уписывает!

А Иван Бедный между тем в трудах жил. Сегодня вспашет полосу, а завтра заборонует; сегодня скосит осьминник, а завтра, коли бог ведрушко даст, сено сушить принимается. В кабак и дорогу позабыл, потому знает, что кабак – это погибель его. И супруга его, Марья Ивановна, заодно с ним трудится: и жнет, и боронует, сено трясет, и дрова колет. И детушки у них подросли – и те так и рвутся хоть с эстолько поработать. Словом сказать, вся семья с утра до ночи словно

в котле кипит, и все-таки пустые щи не сходят у нее со стола. А с тех пор, как Иван Богатый из села уехал, так даже и по праздникам сюрпризов Иван Бедный не видит.

– Незадача нам, – говорит бедняга жене, – вот и сравнивали меня, в виде опыта, в тягостях с Иваном Богатым, а мы все при прежнем интересе находимся. Живем богато, со двора покато; чего ни хватись, за всем в люди покатись.

Так и ахнул Иван Богатый, как увидел соседа в прежней бедности. Признаться сказать, первую его мыслью было, что Ивашка в кабак прибыли свои таскает. «Неужели он так закоренел? неужели он неисправим?» – восклицал он в глубоком огорчении. Однако Ивану Бедному не стоило никакого труда доказать, что у него не только на вино, но и на соль не всегда прибытков достаточно. А что он не мот, не расточитель, а хозяин радетельный, так и тому доказательства были налицо. Показал Иван Бедный свой хозяйственный инвентарь, и все оказалось в целости, в том самом виде, в каком было до отъезда богатого соседа на теплые воды. Лошадь гнедая покалеченная – 1; корова бурая, с подпалиной – 1; овца – 1; телега, соха, борона. Даже старые дровнишки – и те прислонены к забору стоят, хотя, по летнему времени, надобности в них нет и, стало быть, можно было бы без ущерба для хозяйства их в кабаке заложить. Затем осмотрели и избу – и там все налицо, только с крыши местами солома повыдергана; но и это произошло оттого, что позапрошлой весной кормов не достало, так из прелой соломы резку для

скота готовили.

Словом сказать, не оказалось ни единого факта, который обвинял бы Ивана Бедного в развороте или в мотовстве. Это был коренной, задавленный русский мужик, который напрягал все усилия, чтобы осуществить все свое право на жизнь, но по какому-то горькому недоразумению осуществлял его лишь в самой недостаточной степени.

– Господи! да с чего ж это? – тужил Иван Богатый. – Вот и поровняли нас с тобой, и права у нас одни, и дани равные платим, и все-таки пользы для тебя не предвидится – с чего бы?

– Я и сам думаю: с чего бы? – уныло откликнулся Иван Бедный.

Стал Иван Богатый умом раскидывать и, разумеется, нашел причину. Оттого, мол, так выходит, что у нас нет ни общественного, ни частного почина. Общество – равнодушное; частные люди – всякий об себе промышляет; правители же хоть и напрягают силы, но вотще. Стало быть, прежде всего надо общество подбодрить.

Сказано – сделано. Собрал Иван Семеныч Богатый на селе сходку и в присутствии всех домохозяев произнес блестящую речь о пользе общественного и частного почина... Говорил пространно, рассыпчато и вразумительно, словно бисер перед свиньями метал; доказывал примерами, что только те общества представляют залог преуспевания и живучести, кои сами о себе промыслить умеют; те же, кои предоставля-

ют событиям совершаться помимо общественного участия, те сами себя заранее обрекают на постепенное вымирание и конечную погибель. Словом сказать, все, что в Азбуке-копейке вычитал, все так и выложил пред слушателями.

Результат превзошел все ожидания. Посадские люди не только прозрели, но и прониклись самосознанием. Никогда не испытывали они такого горячего наплыва разнообразнейших ощущений. Казалось, к ним внезапно подкралась давно желанная, но почему-то и где-то задерживавшаяся жизненная волна, которая высоко-высоко подняла на себе этот темный люд. Толпа ликовала, наслаждаясь своим прозрением; Ивана Богатого чествовали, называли героем. И в заключение единогласно постановили приговор: 1) кабак закрыть навсегда; 2) положить основание самопомощи, учредив Общество Доброхотной копейки.

В тот же день по числу приписанных к селу душ в кассу общества поступило две тысячи двадцать три копейки, а Иван Богатый, сверх того, пожертвовал неимущим сто экземпляров Азбуки-копейки, сказав: «Читайте, други! тут все есть, что для вас нужно!»

Опять уехал Иван Богатый на теплые воды, и опять остался Иван Бедный при полезных трудах, которые на сей раз благодаря новым условиям самопомощи и содействию Азбуки-копейки, несомненно, должны были принести плод сторицею.

Прошел год, прошел другой. Ел ли в течение этого вре-

мени Иван Богатый в Вестфалии вестфальскую ветчину, а в Страсбурге – страсбургские пироги, достоверно сказать не умею. Но знаю, что когда он по окончании срока воротился домой, то в полном смысле слова обомлел.

Иван Бедный сидел в развалившейся лачуге, худой, отошальный; на столе стояла чашка с тюрей, в которую Марья Ивановна по случаю праздника подлила для запаха ложку конопляного масла. Детушки обсади кругом стола и торопились есть, как бы опасаясь, чтоб не пришел чужак и не потребовал сиротской доли.

– С чего бы это? – с горечью, почти с безнадежностью, воскликнул Иван Богатый.

– И я говорю: с чего бы это? – по привычке отозвался Иван Бедный.

Опять начались предпраздничные собеседования на лавочке перед хоромами Ивана Богатого; но как ни всесторонне рассматривали собеседники удручавший их вопрос, ничего из этих рассматриваний не вышло. Думал было сначала Иван Богатый, что оттого это происходит, что не дозрели мы; но, рассудив, убедился, что есть пирог с начинкою – вовсе не такая трудная наука, чтоб для нее был необходим аттестат зрелости. Попробовал было он поглубже копнуть, но с первого же абцуга ² такие пугала из глубины повыскакали, что он сейчас же дал себе зарок – никогда ни до чего не докапываться. Наконец решились на последнее средство: обратиться

² С первого же абцуга – с первого захода

ся за разъяснением к местному мудрецу и философу Ивану Простофиле.

Простофиля был коренной сельчанин, колченогий горбун, который по случаю убожества ценностей не производил, а питался тем, что круглый год в кусочки ходил. Но в селе про него говорили, что он умен, как поп Семен, и он вполне оправдывал эту репутацию. Никто лучше его не умел на бобах развести и чудеса в решете показать. Посулит Простофиля красного петуха – глядь, ан петух уж где-нибудь на крыше крыльями хлопает; посулит град с голубиное яйцо – глядь, ан от града с поля уж ополоумевшее стадо бежит. Все его боялись, а когда под окном раздавался стук его нищенской клюки, то хозяйка-стряпуха торопилась как можно скорее подать ему лучший кусок.

И на этот раз Простофиля вполне оправдал свою репутацию прозорливца. Как только Иван Богатый изложил пред ним обстоятельства дела и затем предложил вопрос: с чего бы? – Простофиля тотчас же, нимало не задумываясь, ответил:

– Оттого, что в планту так значитя.

Иван Бедный, по-видимому, сразу понял Простофилину речь и безнадежно покачал головой. Но Богатый Иван решительно недоумевал.

– Плант такой есть, – пояснил Простофиля, отчетливо произнося каждое слово и как бы наслаждаясь собственным прозорливством, – ив оном планту значитя: живет Иван

Бедный на распутий, а жилище у него не то изба, не то решето дырявое. Вот богатство-то и течет все мимо да сквозь, потому задержки себе не видит. А ты, Богатый Иван, живешь у самого стека, куда со всех сторон ручьи бегут. Хоромы у тебя просторные, справные, частоколы кругом выведены крепкие. Притекут к твоему жительству ручьи с богатством – тут и застрянут. И ежели ты, к примеру, вчера полимения роздал, то сегодня к тебе на смену целых три четверти привалило. Ты – от денег, а деньги – к тебе. Под какой куст ты ни заглянешь, везде богатство лежит. Вот он каков, этот плант. И сколько вы промеж себя ни калякайте, сколько ни раскидывайте умом – ничего не выдумаете, покуда в оном планту так значится.